

Возрождение стратегии сдерживания: пересмотр некоторых основополагающих принципов¹

Колин С. Грэй

В последние годы были возрождены кустарные исследования стратегии сдерживания вслед за затишьем нескольких десятилетий. В частности, академики приложили усилия к сведению стратегии сдерживания до уровня подраздела политической науки, оборонные аналитики продолжают искать псевдонаучную истину вокруг «стабильной стратегии сдерживания», стратеги и моралисты отправляются «назад к основам», а разросшееся оборонное сообщество хотело бы знать, не была ли ее многолетняя вера в стратегию сдерживания действительно излишне просоветской в отношении направления и доказательной базы, а также, безусловно, излишне завязанной на проблеме ядерного вооружения, как идее, области применения и предполагаемого содержания.

Не смотря на завершение «холодной войны», Соединенные Штаты все еще поддерживают стратегические отношения с советской супердержавой, имеющей тяжелое ядерное вооружение. Политическое будущее СССР неизвестно и, в действительности, непознаваемо, однако, исторический и культурный материал, на основе которого будет разработана модель будущего этой страны, не дает достаточно пищи для оптимизма. Любые варианты возможны, однако, явный возврат в последние месяцы к авторитарному правлению и разрушение всего, что в действительности напоминало бы перестройку, не может рассматриваться лишь только как временное отступление. Советский Союз в настоящее время добивается покорности Прибалтийских республик, уклоняясь при этом от некоторых ключевых условий и целей соглашения об Обычных вооруженных силах Европы, и полная модернизация его стратегического ядерного оружия представляется характерной для реального Советского Союза.

Согласно фактам, имеющимся на сегодняшний день, Михаил Горбачев не берет на себя обязательств политического, экономического и социального реформирования СССР, будь то конечная цель или же текущая задача. Напротив, он, во-первых, озабочен сохранением собственной власти, а во-вторых, сохранением ключевых ценностей советского государства, которые он унаследовал. Какие бы свободы не были допущены Горбачевым, или казались допущенными, они оказались возможными в результате неверного расчета на то, что передача власти окажется долгой и лишь частичной (в Центрально-восточной Европе и в периферийных республиках у себя дома).

¹ Данная статья была впервые опубликована в летнем выпуске журнала «Parameters» за 1991 г.

Советский Союз, независимо, с Горбачевым ли в роли реформирующего, а затем репрессирующего царя, или же с его заменой во главе, будет, несомненно, продолжать позиционировать себя в качестве супердержавы в стратегической гонке вооружений с Соединенными Штатами. Советско-американские отношения могут быть менее антагонистическими в будущем, нежели в течение многих лет, начиная с 1946 г. до прихода Горбачева к власти в 1986 г., тем не менее, Соединенные Штаты имеют потребность в постоянной политике, стратегии и военной доктрине, которые помогут обеспечить безопасные отношения с Советской / Российской супердержавой.

За ними последует ряд предложений по стратегии сдерживания наряду с критическими комментариями. Их целью является помочь людям думать соответствующим образом о политике сдерживания и отличать сильные аргументы от слабых.

Утверждения стратегии сдерживания

Требования стратегии сдерживания представляются неопределенными или, в лучшем случае, весьма неясными.

Выносить решения возможно и необходимо, но только не решения, выраженные в цифрах. Не только сложно, но и невозможно высчитать в цифровом выражении, что подлежит сокращению и должно быть сокращено, однако, даже убежденные сторонники доктрины сдерживания не могут знать, какие вероятные опасные последствия в политическом и техническом отношении будет иметь такое сокращение. Сдерживание или, пожалуй, эффективность сдерживания, не является качеством, которое может быть куплено дискретно и гарантированно ценой величины прироста. Реальное положение вещей может быть скрыто ввиду ложного умозаключения о том, что политика сдерживания определяется самой расстановкой вооруженных сил. Стратегические ядерные силы США («Триада») являются действующим средством политики сдерживания, однако кандидаты в теоретики сдерживания вынуждены выбирать сдерживание собственных сил. В отношении стратегии сдерживания, избранные стратеги могут всегда решить, что сдерживание не относится к собственным вооруженным силам, а представляет собой ситуацию, которая резко контрастирует с соотношением физического подавления, когда поведение врага напрямую контролируется нашими вооруженными силами.

Запланированная стратегия сдерживания может не вести к сдерживанию, если избранный стратег убежден, что воевать мы не будем, либо же не будем воевать слишком жестко (независимо от размера наших вооруженных сил); если он убежден (насколько бы наивным не было это убеждение) в гарантии военной победы; если он считает (ошибочно), что война в любом случае абсолютно неизбежна;

или же если он полностью или в большой мере безразличен как к угрозе в целом, так и к специфичным угрозам, исходящим от нас.

Даже если считать нашу политику сдерживания условно эффективной, мы можем непреднамеренно или по неосмотрительности скатиться к войне, скажем, в поддержку поджигательных действий третьей стороны. Помимо этого, как у индивидуальных лидеров, так и у ведущих групп политиков возможна смена настроения — от оптимистического к пессимистическому; а также они подвержены очень резкому переосмыслению целей и задач политики. Коротко говоря, адекватный взгляд на стратегию сдерживания в 9 часов утра может перестать быть адекватным в 4 часа дня.

Суммируя сказанное, адекватная стратегия сдерживания, не говоря уже о долгосрочности стабильной политики сдерживания, не может быть рассчитана с точностью. Стратегия сдерживания относится к сфере обоснованных предположений. Ученые политики рассуждают о «методах расчета стратегии сдерживания» и об «анализе риска/выгоды», но все это не более, чем вычурные фигуры речи.

В доктрине сдерживания один грамм воли стоит целого килограмма мускул.

Это утверждение несет в себе очень важную истину. Тем не менее, оно не представляет собой основы для выработки привлекательной теории или политики сдерживания. Остается, как минимум, три нерешенных проблемы.

Во-первых, военную мощь намного легче и надежнее приобрести и удержать, нежели политическую волю. Соотношение воли и военной мощи может действительно равняться одному к шестнадцати, однако сотрудники органа военного планирования не могут знать, что их политические лидеры, или их страна в целом, действительно будет вырабатывать и демонстрировать необходимую политическую волю тогда и так долго, насколько это будет нужно. Так, например, в начале 1990-х гг. Соединенные Штаты могут планировать и вкладывать инвестиции в достаточно хорошо сбалансированные стратегические военные силы на начало следующего столетия — «ЗАПУСКАТЬ или не ЗАПУСКАТЬ». Однако, если кто-то воспримет предложенное соотношение «воля к силе» в качестве предполагаемого руководства в оборонном планировании, то каковы будут его последствия? Какую расстановку и количество стратегических военных сил повлечет за собой восприятие, далекое от элемента «воли», если эта расстановка сил отделена от серьезных военных планов ведения кампаний?

Во-вторых, недостаточно иметь то, что, как мы считаем, должно являться уровнем сдерживания политической воли. Это должно восприниматься так, как воспринимается избранными сторонниками стратегии сдерживания. Составляющие элементы войны включают нацеленность на боевые действия, что не имеет достаточного признания за границей. Было бы непросто усовершенствовать наблюдение Германа Канна, гласящего: «если мы хотим, чтобы наши стратегические силы способствовали сдерживанию

провокационных действий, они должны быть убедительными... Как правило, самый убедительный способ выразить согласие, это быть таковыми.»

В-третьих, даже убедительная нацеленность на боевые действия может быть мало пригодной, если количество и качество угрожающих боевых средств не достигает определенного критического уровня воздействия, по мнению избранных стратегов сдерживания. В 1939 г. поляки не имели проблем с убедительностью их воли противостоять Германии. Их проблема, скорее, заключалась в недостатке современных военных средств. В целях сдерживания военных действий воля может быть важнее, нежели военные силы, однако не настолько же надежна, — таким образом, приобретай второе, но надейся на первое.

Намерение является исключительно важным для стратегии сдерживания.

Намерение — близкий, однако непохожий родственник воли, может рассматриваться как политическая наука; тем не менее, его применение несет угрозу в той мере, насколько глубина намерения превосходит глубину национальных интересов, стоящих на кону. Правота данного утверждения была всесторонне изучена Томасом С. Шеллингом в середине 1960-х гг. Идея проникнута здравым смыслом. Действенность политики сдерживания будет гарантирована только тогда, когда предполагаемый агрессор считает, или подозревает, что (к примеру) политика США действительно нацелена на защиту региональных ценностей, поставленных на кон.

Некоторые американские стратегические исследования конца 50-х, начала 60-х гг. предпочитают рассматривать намерение как гибкий инструмент, которым в большей или меньшей степени могут манипулировать соответствующим образом обученные, расчетливые политики. Не отрицая важности того, что зарубежное восприятие намерений США будет неоднозначным, и что такое восприятие будет зависеть от поведения США на международной арене и других сигналов, все же имеются существенные ограничения.

Прежде всего, субъект политического намерения и зарубежное восприятие такового не является игровым полем, на котором американские политики могли бы выбирать игру, в которую они бы хотели сыграть, и в которой надеялись бы победить. Если взять реальный пример, политика США в отношении Вьетнама частично была мотивирована намерением показать убедительную, способную защитить себя силу. Проблема заключалась в том, что центр политики США был поражен унаследованной слабостью. Политическая целостность Южного Вьетнама не имела подлинной или типичной ценности для Соединенных Штатов, на которой, как ни удивительно, настаивали политики США. Другими словами, одно дело рассматривать намерение как искусство в поддержку жизненно важных национальных интересов; и совсем другое дело рассматривать намерение в качестве социально-научного инструмента в руках ловких политиков. Последнее

вряд ли будет работать долго. Можно ожидать нетерпимый критицизм у себя дома, если заявленное намерение не будет находиться в приемлемом равновесии со стоящими на кону ценностями.

Далее, наступление кризиса, а также возникновение действительных конфликтов ведут за собой всплеск оппозиционной воли, столкновение противоборствующих намерений. Вопрос никогда не звучит лишь как: убедительно ли наше намерение? Помимо этого кто-то может спросить, имеется ли такое же намерение у предполагаемого агрессора, и если да, то до какой степени (и имеются ли у них подходящие пути выхода).

Сдерживание боевых действий для политиков это, скорее, удобный для пользования инструмент, нежели карательная мера.

Любые потенциальные меры по сдерживанию являются по характеру противовоенными мерами: наказать врага — способ борьбы с войной. Если недостижима классическая военная победа, то противовоенная стратегия США носит, фактически, карательный характер. История декларируемой политики США с 1961 г. идентифицируется политиками с этим утверждением. Важно, тем не менее, признать, что в различиях, проведенных между политикой сдерживания и оборонной политикой, или, иными словами, между карательной или противовоенной стратегией сдерживания, отсутствует истинный смысл.

По нескольким причинам, стратегия самосдерживания и других видов сдерживания Соединенных Штатов никогда не ограничивалась расстановкой стратегических войск для нанесения ответного удара лишь только на городские районы СССР (в числе прочих). Тем не менее, влияние установившегося разрушающего мышления при построении планов и расстановки военных сил не должно быть отброшено как абсолютно незначительное, тогда как важность противовоенных взглядов может быть легко завышена.

Классический противовоенный подход к стратегии ядерного вооружения предполагает изобретение таких мер, которые осуществят победу военных сил США в ядерной войне. Что не представляет, и никогда не представляло истинного характера ядерной стратегии США. На самом деле, при ближайшем рассмотрении становится ясно, что противовоенный подход декларируемой политики США с начала 1970 г. до настоящего времени, представляет собой вариацию карательного подхода к вопросу. Делая акцент на разном, администрации Никсона, Форда, Картера, Рейгана, а сейчас Буша, провозглашали идеи ядерного вооружения, в основе которых лежит расправа с наивысшими ценностями советского государства, ценностями, к которым относятся и военные активы. Тем не менее, реальной целью такого противовоенного подхода является не выиграть войну в классическом смысле, а, скорее, расправиться с советским государственным устройством таким образом, который это государство сочтет неприемлемым в перспективе — соответственно, стабильная политика сдерживания стала

бы счастливым результатом. Действительная противовоенная расстановка стратегических сил должна быть нацелена на отражение военных действий врага и на уменьшение ущерба Северной Америке посредством отрицания физической способности врага нанести вред нашему обществу.

Тогда как противовоенный подход США к стратегии ядерного сдерживания и реальная защита не носят в действительности характер, подразумеваемый под ярлыком «противовоенный», т.е. он условно противоположный таковому, и является карательной стратегией, в то же время он гораздо менее антагонистический, чем предполагает его название. Не существует такого явления, как непротивовоенная стратегия сдерживания. Все декларируемые планы выражают или подразумевают теорию и политику реального ведения войны. Бомбардировка городов или противовоенные выступления — оба являются примерами борьбы с военными действиями.

За рубежом стратегия ядерного сдерживания дифференцируется.

Чтобы эффективно представить политику в качестве политики сдерживания, военные силы США должны убедительно говорить о чужих ценностях так же, как и о ценностях и суждениях американцев. Тем не менее, вся оборонная политика делается дома, следовательно, ее первый тест на адекватность должен быть домашним. Как бы то ни было, за продолжительное мирное время оборонные политики и их политические лидеры никогда не забывали о том, что нужды «реальной стратегии сдерживания» могут отличаться от «стратегии сдерживания на бумаге» (перефразируя формулу Карла фон Клаузевица о различии между «реальной войной» и «войной на бумаге»).

В мирное время недруги склонны превращаться в абстрактные Красные бригады, и, зачастую, кажется, что они думают и ведут себя так, будто тренируются на наших планах и с нашими силами, нежели реально испытывают их. Проецирование может стать проблемой, предупреждают нас психологи. В случае отсутствия истинных знаний, например, об образе действия Советов в случае ядерной войны, американские теоретики (или политики) имеют обыкновение различать или выдумывать удобного для восприятия врага.

Ошибка в проецировании современных Западных идей на другие культуры ни в коей мере не ограничивается догадками приверженцев ядерной политики о Советском Союзе. Ведущий стратегический теоретик Америки Эдвард Люттвак, например, приписал Римской Империи то, что, почти несомненно является, полностью выдуманной великой стратегией.

Для успешного проведения в жизнь, национальная политика безопасности США должна ориентироваться на американские силы и быть терпимой у себя дома. Однако, чтобы быть успешной, национальная политика безопасности должна также выработать стратегическую эффективность, необходимую для признания за рубежом в глазах оппозиционной национальной политики. В особых

случаях стратегии сдерживания, когда политики США пытаются убедить иностранных политических лидеров не делать чего-либо, такое убеждение должно срабатывать в умах людей на глобальном уровне и в политическом / организационном контексте и повседневных делах этих иностранных политических лидеров. Системы ценностей могут значительно отличаться от одной политической культуры к другой и, конечно же, от одного исторического периода к другому. Многие из тех, кого бы лидеры США хотели остановить на годы вперед (или, в действительности, заставить отдать добытую наживу), не разделяют американских или иудейско-христианских ценностей. Они могут быть восприимчивы к потере лица, чести или достоинства, или к возможным финансовым убыткам, но их менее чем растрогает плач вдов и сирот.

Официально представленная потребность в воздействии стратегии сдерживания является неустойчивой, колеблющейся между почти нулевым уровнем и острой потребностью в героических действиях.

Вооруженные силы должны формироваться в целях международной безопасности, в расчете не на хорошую погоду или условия постоянного мира. Вполне понятно, что оборонные сообщества не планируют меры против действительно наихудших случаев, например, против яростных усилий Советского Союза стать буквально вне досягаемости политики сдерживания. Тем не менее, нелишне напомнить, что ситуации, близкие к наихудшим, случаются. Например, в начале 1930-х гг. британские военные политики признали, что самым ужасным кошмаром для них могли бы стать одновременная враждебная конфронтация с сильными державами в Северо-центральной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке. Германия, Италия и Япония, соответственно, позаботились о том, чтобы этот Британский кошмар осуществился, хоть и в несколько смягченном варианте, благодаря свершившемуся в итоге альянсу с русскими и американцами.

Первое утверждение по стратегии сдерживания, обсуждавшееся в этой статье, оспаривало неясность того, как много требуется для осуществления сдерживания в любой конкретный момент времени. Данное утверждение предупреждает о том, что правительство США, которое не могло предусмотреть и не предусмотрело конец «холодной войны» в конце 90-х гг., и которое (в целом, всегда были определенные похвальные исключения) оказалось менее чем прозорливым относительно опасности в Персидском заливе в течение 90-х гг., не должно доверять само себе, лелея предположения о вероятной потребности в сдерживании ядерного вооружения в течение следующего десятилетия и дальше.

Кто-то может взглянуть на ярко-голубое небо и странным образом решить, что дождя не будет уже никогда, и начать избавляться от всех вещей для дождливой погоды. Когда окажется, что он был не прав, он может поспешить в магазин и тут же пополнить свой резерв на случай плохой погоды. Однако, если Соединенные Штаты решат, что существующий в настоящее время благоприятный климат

взаимоотношений между супердержавами, является постоянным и необратимым, и, соответственно, решат избавиться от большей части существующего и, теоретически, от всех будущих стратегических ядерных средств, включая или не включая преимущество первого ЗАПУСКА, может оказаться так, что магазина для восполнения недостатка не будет, если погода изменится к худшему. К сожалению, не политика США является проблемой, в отличие от взглядов некоторых идеологов, контролирующих вооружение, и прочих, тех, кто увидел врага и решил, что враг — это мы. Наоборот, проблема заключается в том, что оборонные политики США сегодня не имеют ни малейшего представления о том, что будет представлять из себя политика Советов через пять — десять лет, так же, как и о том, какую ответственность эти политики США захотят, соответственно, возложить на то, что останется от ядерных вооруженных сил США.

Стратегия ядерного сдерживания является недоказуемым феноменом, чей возможный успех парадоксальным образом достижим через политические каналы, работающие для подрыва вероятной потребности в ее продолжении. В конечном итоге, что можно показать скептикам, чтобы продемонстрировать выгоду безопасности, которую дает политика сдерживания? События, которые не произошли? Но как скептик может убедиться, что именно стратегия ядерного сдерживания не позволила этим событиям произойти?

Философские вопросы, подобные вышеприведенным, невозможно просто обойти, как чисто академические. Многих людей для их же собственной безопасности необходимо убедить в том, что потребность Американской политики в стратегически эффективном ядерном вооружении дальнего радиуса действия может измениться за это новое десятилетие от нуля до радикально высокого уровня. Более того, не существует способа узнать, реально узнать, какой мощи сдерживающее или отражающее воздействие может потребоваться от этого вооружения. Маршал Советского Союза Николай Огарков заявил на встрече с группами ветеранов, что «в стране необходимо навести порядок». Нелиберальное восстановление централизованной власти представляется наиболее вероятным из вариантов будущего для страны, которая и по сей день остается чрезмерно вооруженной ядерными средствами страной СССР.

Потребность в воздействии политики сдерживания имеет неприятную тенденцию к массовому колебанию между полюсом почти неуместности и полюсом максимальной необходимости. Если рассматривать случаи стратегических подъемов в воздухе и на море, Соединенные Штаты нуждаются или в весьма малом, или же в максимальном количестве того, что оборонное сообщество может обеспечить в спешке. Законодатели и «умеренные» оборонные политики в продолжительные мирные периоды имеют обыкновение склоняться в сторону «золотой середины», обеспечивая скромный, компромиссный уровень военной мощи. Такой уровень

является очевидно избыточным для нужд мирного периода, однако, будет постыдно, если не фатально недостаточным, если (скорее, когда) протрубит труба.

Общая стратегия сдерживания и непосредственная стратегия сдерживания не являются синонимами.

Воздействие стратегии сдерживания является специфичным для определенного времени, места, обстоятельств и противника. Военные силы США при поддержке всего государственного аппарата, нуждаются в свободной маневренности для достижения специфичного, безотлагательного и регионального воздействия. Воздействие стратегии сдерживания, разработанное стратегическими ядерными силами, зачастую, если не неотвратимо, рассматривается несколько абстрактно (по аналогии с воздействием военно-воздушных сил, военно-морских сил, сухопутных сил и космических сил). На практике, однако, воздействие стратегии сдерживания всегда специфично и имеет отношение к конкретной задаче. Вероятно, было бы справедливо оспорить утверждение, что советско–американское соперничество, особенно в военной сфере, ведет за собой явный обоюдный эффект сдерживания. Этот эффект, как правило, выражается в форме восприятия общего «соотношения сил» или «баланса сил», который помогает в выборе той или иной политической формы. Однако, соперничество супердержав говорит само за себя определенным образом, в определенных местах и относительно определенных проблем. Равновесие относительного преимущества от общей стратегии сдерживания не всегда надежным образом переводится в непосредственную стратегию сдерживания. Каким-то образом, известные структуры, аппараты и концепции должны предоставить применимую полновесную монету в момент кризиса, чтобы сфокусироваться на нужной точке.

Например, в 1956 г. бесспорно, существовала только одна первоклассная супердержава — Соединенные Штаты. Тем не менее, супердержава США решила, что ей не хватает непосредственной стратегии сдерживания, чтобы поддержать свободную Венгрию Имре Наги, при этом, отказавшись рассматривать ядерное принуждение в качестве политического курса, чтобы обязать Советы оставить Венгрию в покое во второй раз.

В качестве следующего примера: вооруженные силы США в настоящий момент находятся на самом начальном этапе реформирования или пересмотра с учетом глобального и регионального порядка в период после “холодной войны”. Можно предположить с высокой степенью уверенности, что Соединенные Штаты разработают общую стратегию сдерживания, на первый взгляд, в довольно крупном масштабе. Однако, стратегия сдерживания никогда не бывает действительно общей; напротив, она всегда специфична. Общая стратегия сдерживания, которую Соединенные Штаты должны обеспечить, может быть, а может и не быть функциональной на местах или на определенном уровне. В 1990 г. ничто не

удержало Ирак от вторжения в Кувейт (в третий раз). В будущем можно ли будет удержать Индию или Пакистан от военной авантюры?

Данные размышления не предполагают, что военная сила является несущественной, как в абсолютном, так и в относительном смысле. Они предполагают, однако, что для того, чтобы быть эффективным там и тогда, когда необходимо (что, зачастую, невозможно прогнозировать заранее), военная мощь США должна располагать гибкостью фокусирования для непосредственного сдерживания. Непосредственная политика сдерживания в Персидском заливе или в Кашмире, или в Трансильвании не является элементарной, существующей последовательностью общей стратегии сдерживания.

Стратегия сдерживания на 1990-е годы

Вопросы о теории сдерживания и ядерной стратегии в настоящее время опять привлекают определенное внимание, что может вызвать удивление многих людей. Такое оживление можно было бы объяснить четырьмя причинами.

Во-первых, очевидная нависшая угроза ПУСКА, и обсуждения возможного последующего ПУСКА-2, расшевелили оборонное сообщество, подвигнув его к выдвижению непривычных базовых вопросов о поощрении, скажем, ступенчатого сокращения стратегических вооружений до уровня 3000 единиц. Во-вторых, переход советско-американских отношений от “холодной войны” к чему-то другому, на сегодняшний день еще не оформившемся окончательно, возбуждает здоровый вопрос о стратегической применимости любого рода ядерного стратегического вооружения. В-третьих, отношения между США и Ираком, которые сначала в 1990-91 гг. продемонстрировали полную несостоятельность США определить когда потребовались сдерживающие действия, а после продемонстрировали последовательную, но не менее полную несостоятельность принудить Ирак посредством сдерживающей угрозы покинуть Кувейт. Многие официальные лица и теоретики Америки стали приходить к мнению, что понимание теории сдерживания, почерпнутое, в основном, из сорокалетнего опыта взаимоотношений с СССР, может не быть применимо к региональным конфликтам без определенных существенных изменений. И в заключение, демонстрация Ираком того, что действительно наступила эра ракет, побудила политиков и теоретиков Америки пересмотреть свои убеждения на предмет наступательно-оборонительных отношений. Ситуация выглядит так, что новый мировой беспорядок потребует от президента Буша определенных активных мер по ракетной обороне.